

Эта книга делает всё, чтобы свести вас с ума: обводит вокруг пальца, бьёт под дых в самый неожиданный момент, даёт блаженную передышку, чтобы снова столкнуться в пучину интриг и обмана. Кипят страсти, идёт война, гильотина заговоров и предательств вот-вот опустится на чью-то голову. Но чья голова это будет? Вам придётся пройти весь путь с Сон Йонг и Нагилом, чтобы добраться до правды. А затем закрыть книгу и тут же начать считать дни до третьей, финальной части. Присоединяйтесь, потому что я уже начала отсчёт!

Арина Цимеринг, соавтор
«Правил выживания в Джакарте»,
автор «Как поймать монстра», ТГ: @zimering

Вторая часть вышла сильной и пугающей одновременно. Власть сплетается с древней магией Великих Зверей. Дворцовые интриги граничат с жизнью и смертью. Герои становятся пешками в чужих руках, но кто победит? Дракон или змей?

Анви Рид, автор «Пира теней»,
ТГ: @anvireadanvi

«Солнце в огне» не только приоткроет тайны прошлого, поведав легенды и мифы о Великих Зверях, Драконах и имуги, но и позволит по-новому взглянуть на героев. Новые союзники и неожиданные предательства, интриги и политические заговоры, сложные решения

и выбор пути, который изменит судьбу каждого, ну и конечно же много любви — эта книга разобьёт сердце каждому и заставит страдать в ожидании продолжения.

Саша, книжный блогер,
ТГ: @alex_booklover

«Солнце в огне» — это клубок сильно спутанных ниток, на одном конце которого «долг», а на другом «чувства». Между ними интриги, заговоры, союзники, которым не следовало доверять, и надежда на счастливый финал. Возвращаясь в не-Чосон, мы с нетерпением ждём, каким же будет следующий шаг врага и пойдёт ли история тем путём, который нам знаком. Видя, какой путь проходят герои, — невозможно остаться равнодушным.

Аля, книжный блогер,
youtube: snowrowans

Шемящее душу продолжение цикла «Дракон и Тигр», которое проникнет глубоко в сердце и вызовет мурашки по всему телу. Вас будет волновать лишь одно — когда продолжение. Ведь тайн и интриг становится всё больше, а чувства берут верх над разумом.

Маша, книжный блогер,
ТГ: @ms_hedgehog_reads

Посвящается самым сильным женщинам, которых я знаю, — моим подругам.

Кире, которая убирает смайлики в моих благодарностях, и Дине, которая мастерски считает коней.

Происходящее в дораме частично основано на исторических событиях корейского полуострова времён XVI века, но персонажи, инциденты и упомянутые факты не соответствуют действительности. Все совпадения с реально существующими людьми случайны.

Мун Нагиль — Ёнгданте, генерал драконьего войска, Дракон Дерева и Металла

Сон Йонг — Сыта-голь, девушка со звезд, попаданка из Священного Города

Ли Хон — наследный принц Чосона, сын наложницы короля Чосона

Ким Рэвон — побратим Нагиля, бывший ученик Дракона

Лан — шаманка Ордена Белого Тигра

Лапа Дракона

Чунсок — Пуримгарра, Первый Коготь, правая рука генерала

Гаин — Сыгунгарра, Второй Коготь, предводительница лучниц

Дэкван — Тырсэгарра, Третий Коготь, мастер мечей

Чжихо — Куаргарра, Четвертый Коготь, лекарь

Воины Дракона

Бобым

Намджу

Хаджун

Тэгён

Сокву
Досан
и другие

Дочери

Ильсу
Юна
Чхонги
Риюль
и другие

Совет короля Чосона

Лю Соннён — Советник Восточной Фракции
Ким Кихо — Советник Западной Фракции
Чхве Сувон — Советник Южной Фракции
Ли Бенгон — Советник Северной Фракции
Лю Соджоль — сын советника Лю Соннёна
Ким Ондэ — шурина советника Ким Кихо

Империя Мин

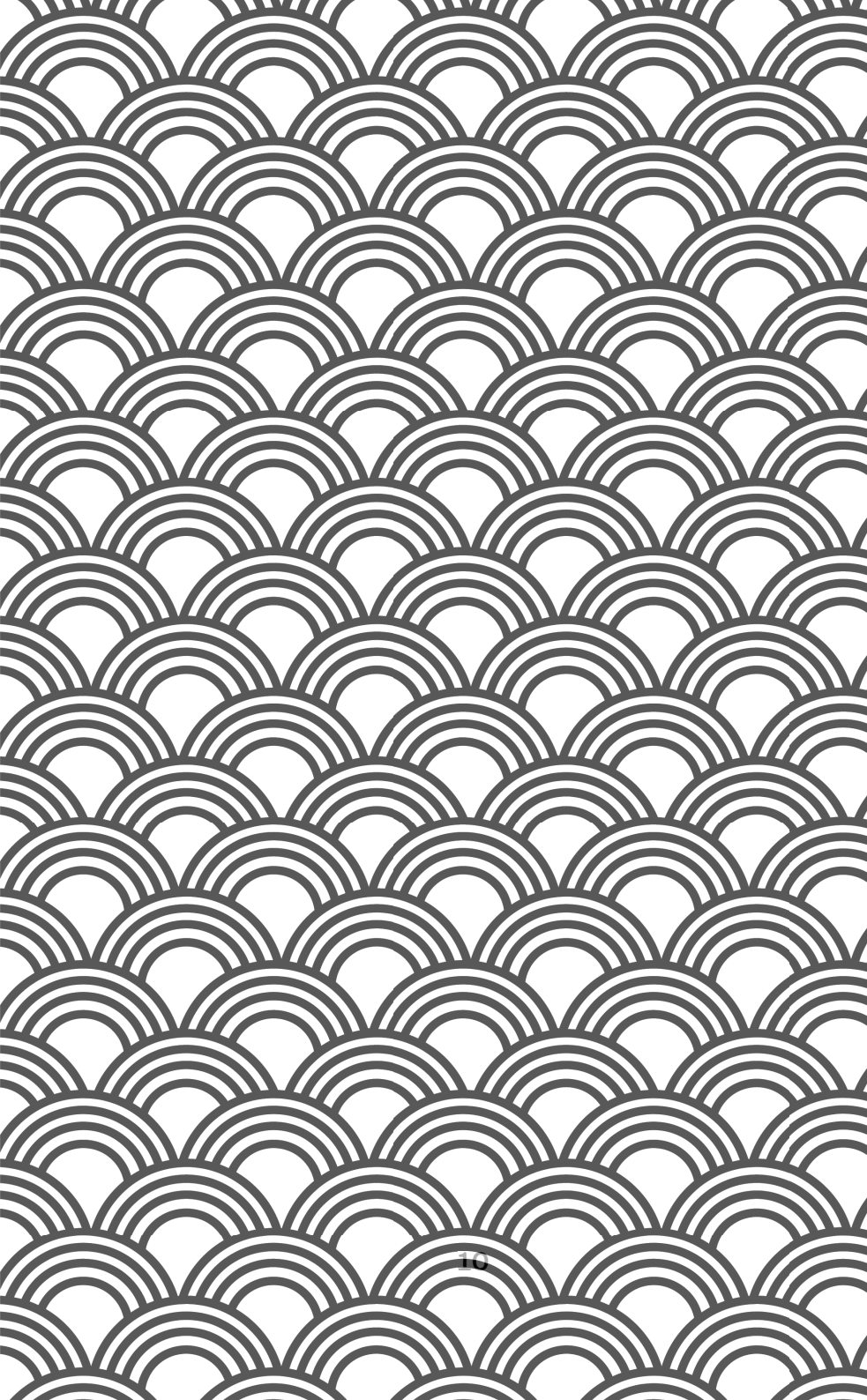
Чжу Инъли — тринадцатый Император династии
Мин
Ван Юцзяо — Наместник Императора в Чосоне
Ван Шоужань — Секретарь Императора
Чжу Юнмень — десятая дочь Императора, принцесса
династии Мин

Су Имдон — бывший патриарх Ордена Сливы
Ким Мунсу — начальник городской стражи Хансона

Орден Дракона (ныне расформирован)

Мастер Вонгсун — Дракон Воды, учитель Нагиля
и Рэвона
Мастер Го — учитель боя, мастер мечей

Тоётоми Хидэёри — генерал японского войска

*Храм Дерева, Чосон, середина лета 1592 года,
год Водяного Дракона*

Лан долго всматривалась в витые кольца дыма, идущего от зажжённых бамбуковых палочек. Снаружи бушевал ливень, ветер рвал белые флаги, будто разгадал их тайну и решил поведать о ней Алмазным горам. Стучали друг о друга старые деревянные ставни, изредка в храм проникал холодный воздух, норовя потушить горящие у расписных столбов свечи.

— Помолчи-ка, — приструнила стихию шаманка, и ветер, повинувшись её воле, вдруг стих. Это ненадолго, решила она, вслушиваясь в шум бьющего о крышу потока воды. Дождь лил вторые сутки не переставая, и для сезона засухи это был хороший знак. Как и для обряда, который Лан хотела провести с того дня месяц назад, когда юджон-ёнг покинула их земли, присоединившись к своим людям в Священном Городе.

Она бы не стала задавать духам очевидный вопрос — ответ был понятен, словно его выписали в небесах для одного дуралея дракона.

Когда Бездна закрыла Глаз, забрав юджон-ёнг, раненый Мун Нагиль вернулся в лагерь поздней ночью с кинжалом, сломанной стрелой и потухшим взглядом, так что на него было тошно смотреть. Посмаковать горе ему не дали: в лагерь тут же явились люди генерала Хигюна

с ним самим во главе. Они долго разговаривали в шатре, рычали друг на друга и спорили до хрипоты, пока, наконец, рассвет не вытащил всех на свежий воздух.

Лан ждала, что *ёнданте* придёт к ней сразу же, едва Хигюн покинет лагерь, но он не явился ни в тот день, ни на следующий.

А потом шаманке донесли, что их войско будет держать путь к границе с Империей Мин.

— Плохая дорога, — посетовала Лан, но к ней не прислушались.

С тех пор прошло больше месяца. Всё, что говорила шаманка, теперь не считалось важным, пусть её слова с каждым днём звучали всё более серьёзным обещанием беды.

— Моджори-ёнг¹, — ворчала она на капитана драконьего войска, который совсем перестал заходить к ней. Ни совета, ни просьб, ни дружеского участия — Мун Нагиль решил, что ему не нужны шаманские напутствия, которые идут вразрез с решениями генералов. Пусть. Этот дурак ещё одумается, но до тех пор останавливать его Лан не станет. Да и нет у неё такого влияния — ни на Нагиля-человека, ни на Нагиля-Дракона.

Дождь стучал по черепице храма, заглушал хриплые песнопения и подзывал шквальный ветер себе в помощь — остановить упрямую шаманку, не дать ей заглянуть в будущее. Ничего хорошего в нём не увидишь. Ни победы Чосона в затянувшейся войне, ни жизни для капитана, ни счастливой страны для наследного принца.

Матушка, шаманка Кэмеко, научила Лан слушать всех духов и видеть всё, что те ей показывают: и хорошее, и плохое, и то, о чём нельзя и помыслить, каким бы ужасающим оно ни было. Лан знала: будущее переменчиво,

¹ «Дракон-дуралей» (корейск.) (составлено из [моджори] — дуралей, дурень и [ёнг] — дракон). — Здесь и далее прим. автора.

как людские сердца, и пишется их решениями. Первый шаг несёт за собой череду последствий, те влияют на выбор следующего.

Мун Нагиль дал обещание девушке со звёзд, и Лан увидела в этом предзнаменование больших перемен. Он отправил её домой, и будущее окрасилось в тёмный цвет. Духи нашептали шаманке, что быть беде, и теперь она ясно видела подтверждение своих тревог: капитан драконьего войска вёл своих людей туда, где они ничего не значат, — во дворцы к королям, которые играли чужими жизнями, как куклами. Прямоком в змеиную пасть, полную ядовитых клыков.

Их ждёт смерть, говорили духи, они погибнут все до единого, а капитану отрубят голову, как изменнику.

Лан заглядывала в дым благовоний, в пепел, остающийся после них, в пламя свечей, что тревожил ветер, и видела бесславный конец для капитана. Шаманка злилась: не для того она покинула умирающую мать и присоединилась к войску дракона и Мун Нагилю в середине прошлой войны, чтобы отдать его на растерзание чудовищам куда более жестоким, чем Великие Звери, которым она поклонялась с рождения.

Он отдал наследника страны врагам и оттого умрёт первым, говорили духи. Лан морщилась и кривила губы — не нужно повторять ей то, что она знает и без подсказок. Будущее коварно и зыбко и меняется даже от мимолётного решения любого из людей в этом мире. *Нет*, твердили духи, никто *в этом мире* не способен поменять ход событий. Крутится колесо, и, хоть запустили его люди, теперь его не остановить. Дракон Дерева не сумеет спасти капитана. Дракон Металла не сумеет спасти капитана.

Не сумеет, нехотя соглашалась Лан. Но она спрашивала не о капитане. Она спрашивала о ком-то из мира другого.

Однажды юджон-ёнг сделала выбор. И Лан знала, что она сделает его снова.

Когда?..

Когда море поползёт вспять. Когда родится луна. Когда одной стрелой можно будет пронзить семь звёзд в небе. Когда Бездна откроет Глаз в последний раз.

Лан вздохнула, умиряя чрезмерное раздражение. Она не была столь же покорна духам, как её мать, и те не спешили делиться с шаманкой своими знаниями так охотно, как с Кэмеко.

Когда же это случится, о вредные духи?

Когда родится первая луна зимы.

Великие Звери... До первого месяца зимы Чосону придётся прожить два сезона. Пусть до тех пор духи защитят страну и капитана драконьего войска от большой беды.

Лан поклонилась статуе Дракона в старом храме Древа и задула свечи. Ливень снаружи продолжал бушевать, порыв ветра сдёрнул один из белых флагов и унёс его выше в горы.

О
Т
С
У
Т
С
Т
В
И
Е

П
Р
Е
Д
Е
Л
А

1

*Пусан, Южная Корея, начало лета 2024 года,
год Деревянного Дракона*

— *Нагиль!*

Йонг выплюнуло в материальный мир до того, как она осознала, что происходит. Она открыла глаза, едва успевая заметить, как чёрная дыра беззвучно сворачивается внутрь себя и растворяется прямо в воздухе; перед Йонг проступил смутно знакомый сосновый лес, и шум автострады ударил по ушам — резко и без предупреждения.

Она осела, слепо зашарила по земле руками. Здесь было светлее, чем в не-Чосоне, гораздо громче, чем в не-Чосоне, а воздух сильно пах выхлопными газами, и оттого дышалось в разы труднее — она и забыла, каково жить в двадцать первом веке. Йонг вдохнула через рот, закашлялась, зажмурилась. Открыла глаза, отчаянно сопротивляясь действительности, но ничего не изменилось. Она сидела на земле в сосновом бору, вокруг валялись нетронутыми её вещи.

Кулон на цепочке, блестящий в свете луны. Сумка и выпавший оттуда телефон. Пиджак Рэвона, который она обронила в какой-то прошлой жизни, когда он

затянул её в путешествие по иному миру — длиною в вечность.

Йонг осторожно коснулась пальцами смартфона, совершенно не веря, что видит его перед собой, когда тот вдруг завибрировал на скалистой земле.

Юна.

Йонг смотрела на ярко светящийся экран долгие мгновения, заполняемые громкими ударами её сердца. Это всё происходит не с ней. Это всё ей снится. Сейчас она поднимет трубку и проснётся в гостевом доме в старом поселении недалеко от Конджу. К ней заглянет Чунсок, поворчит для виду, а потом передаст сообщение от капитана. *Он ждёт вас, упрямая госпожа.*

Только притворившись, что не верит своим глазам, Йонг смогла разжать пальцы и поднять телефон с земли. Это всё сон.

— *Ораёнъ*¹, — засипела Йонг. Ей ответил громкий беспокойный голос:

— Что с тобой случилось, я звоню уже три часа!

Юна. Её подруга Юна. Йонг стиснула телефон обеими руками, задрожала всем телом.

— Хан Юна?

Та сразу стихла и переспросила уже спокойнее:

— Ты в порядке? Где ты?

Йонг не знала, что отвечать.

— В Пусане, — сказала она, гадая, действительно ли это звучит её голос. — В Южной Корее.

Она могла принять происходящее только при одном условии: отвергнув реальность, в которой её возвращение в родной мир было так же очевидно, как небо над головой и автострада у подножия нагорья, как огромная

¹ Привет, здравствуйте (*драконий язык*).

позолоченная статуя Ли Сунсина, проглядывающая из-за деревьев.

— Так, ты хотя бы в городе, — заключила Юна и вздохнула. — Сон Йонг, у тебя всё в порядке?

Йонг покачала головой, потому что на этот раз голос сдался вместе с ней.

— Йонг?

— Юна, — позвала Йонг, замечая, как медленно, нитка за ниткой, начинает тлеть её чогори, — забери меня из порта, пожалуйста. И привези одежду.

В парке, окружавшем портовое нагорье, был общественный туалет. Йонг спустилась туда, упав всего раз, и теперь, заперевшись в тесной кабинке, тёрла ушибленный бок ободранной до крови рукой. В волосах застряли сухие листья, в носу свербело от пыли. Йонг постаралась сосредоточиться на текущем моменте, задвигая остальные мысли в дальний угол, запрещая себе думать.

У неё есть *сейчас*. И это сейчас нуждается в контроле.

От чогори остался только воротник, он свалился Йонг в руки и истлел, не оставив после себя ни следа. Паджи исчезали тоже, нижняя блузка с шорохом соскользнула с плеч и испарилась в полёте к кафельному полу. Стало холодно, ещё холоднее, чем было.

Йонг сжалась, обхватила себя руками. Пиджак Рэво-на она взяла на горё вместе с остальными своими вещами и теперь накинула его на голое тело, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. Что ей делать? Что сказать, чтобы объяснить свой вид?

Главное, решила она, не стоит создавать проблем себе завтрашней. Надо постараться быть спокойной и собранной, чтобы Юна не подумала, будто Йонг ограбили и раздели догола или...

Но как только растворилась в воздухе одна шёлковая танхэ с вышитым на носке цветком лотоса и ступни коснулись пола, Йонг зарыдала в голос.

Перепуганная Юна нашла её в туалете и сразу же позвонила в полицейский участок.

Йонг молчала, кусая дрожащие от рыданий губы, и это совсем не помогало делу. Её делу — она вовсе не планировала сидеть перед детективом полиции в участке и доказывать, что Ким Рэвон, коллега и воспитанный парень, её и пальцем не тронул. Ну да, голая избитая девушка в парке Пусана поздней ночью наводит только на одни мысли, но ведь можно допустить и другие вещи, совсем не связанные с Уголовным кодексом Южной Кореи.

Например, чёрную дыру посреди соснового леса, по другую сторону которой скрывается новый мир, целая вселенная с иными законами, в которой живёт Дракон Деревя и в которой её бывший парень помогает японскому генералу захватить Чосон. В которой она провела почти три месяца, пока здесь прошло всего несколько часов...

— Вы что-нибудь сделаете? — спрашивала Юна. — Объявите этого негодяя в розыск, пусть его найдут и посадят!

— Мы уже составили протокол, госпожа Хан, — устало повторил полицейский, допивая третий стакан кофе. — Человека, о котором вы говорите, в нашей базе нет, и нам потребуется время, чтобы выяснить его местонахождение... Но завтра мы опросим всех в космическом институте, да, — добавил он, когда Юна открыла рот, чтобы разразиться новой тирадой.

— Не надо никого спрашивать.

Йонг подняла голову и впервые посмотрела на полицейского, который всё это время пытался разговаривать её и успокоить госпожу Хан, — и чуть не заплакала снова.

На Йонг с недоверием смотрел Чжисоп. Это было лицо Чжисопа и тело Чжисопа в полицейской форме Южной Кореи. Йонг помнила, как вместе с Намджу и остальными смотрела на погребальный костёр, в котором Чжисоп сгорал рядом со своими собратьями по оружию. Погибшими собратьями по оружию.

Сейчас он смотрел на неё, выгибая бровь, и выглядел настолько привычным и отталкивающим, что Йонг не выдержала и опустила голову.

— Не надо куда идти, — попросила она тихо, но голос дрогнул, и Юна расценила это по-своему.

— Конечно же надо! — резко сказала она полицейскому, а потом повернулась к Йонг. — Я отвезу тебя в больницу, Сон Йонг. Тебе нужна помощь. Пойдём отсюда, пусть теперь полиция разбирается.

Она не задавала вопросов и касалась её с осторожностью, и Йонг была благодарна за это, хоть сама хваталась за подругу испачканными руками и стискивала рукав её рубашки так, словно боялась исчезнуть. Со стороны, должно быть, она и выглядела жертвой насилия, и сил не было разъяснять это недоразумение.

Что она могла сказать? Пусть уж лучше врачи осмотрят её и сообщат Юне, что ничего страшного не произошло.

В машине, пока они проезжали по ночной дороге, усеянной яркими фонарями и светофорами — слишком яркими для отвыкшей от их света Йонг, — она попыталась заговорить снова.

— Рэвон ничего мне не сделал, — сказала она. Юна вела машину быстрее обычного и была слишком взвин-

чена, чтобы услышать тихий голос Йонг с заднего сиденья. От резкой езды на автомобиле Йонг замутило. Она бы предпочла прогуляться пешком или даже верхом на лошади.

— Он меня даже не тронул, — повторила она, стараясь смотреть не на мелькающие за окном столбы фонарей, а на свои руки. Пиджак Рэвона Юна стянула с неё и оставила в полицейском участке в качестве улики, на Йонг сейчас была кофта и джинсы. Очень мягкая кофта, ткань которой почти жгла, и очень грубые узкие джинсы, они тёрли ей кожу и сдавливали живот.

— Мы разминулись в сквере, — продолжала говорить Йонг. — Я поскользнулась, упала с горы и потеряла сознание. Потом очнулась, рядом никого не было.

Если Рэвона объявят в розыск, думала Йонг, то всё равно не найдут. Но осквернять память о нём в этом мире ужасными слухами она не хотела. Эти слухи коснулись бы её в первую очередь, а становиться жертвой она была не готова.

— Я понимаю, — сказала вдруг Юна. Йонг посмотрела на её отражение в зеркале заднего вида. Юна кивнула и повторила: — Я понимаю, Сон Йонг. Жертвы могут выгораживать насильника, потому что напуганы. Это нормально. Плохо, что я нашла тебя не сразу, не когда...

— Со мной всё в порядке, — надавила Йонг, попытавшись придать голосу твердости — ничего не вышло, он всё ещё звучал настолько неуверенно, что не оставлял Юне сомнений: Йонг прошла через *ад*. Это было правдой, но не той, в которую могла бы поверить Юна.

Юна не стала комментировать её слова и довезла Йонг до больницы в напряжённой тишине.

Во втором часу ночи здесь было спокойнее, чем днём, но Йонг всё равно жмурилась от яркого освеще-

щения: то било по отвыкшим от обилия света глазам и вызывало головную боль. Белоснежные стены, врачи в белоснежных халатах, снующие туда-сюда медсёстры в белоснежной форме. Так светло и так чисто, стерильно чисто — Йонг смотрела на больничный вестибюль из-под полуопущенных век и дёргала себя за рукав кофты: всё тут было чересчур. Вся эта реальность была для неё чересчур.

Юна оформила все документы самостоятельно, довела Йонг до кабинета и осталась ждать в коридоре, проявив деликатность. Лучше бы она прошла внутрь и подержала Йонг за руку, пока она не развалилась на части в медицинском кресле.

— Ваша подруга сказала, вы пострадали, — начал врач.

Да, хотела сказать Йонг.

— Нет, — сказала она. — Я упала с горы и ударилась головой. Возможно, меня ограбили, но я в порядке.

Врач вздохнул и начал осмотр.

— У вас истощение, — заключил он после короткого анализа, — и, вероятно, малокровие. Давление очень низкое. Я предполагаю повреждение внутренних органов, но без тщательного осмотра не могу делать выводы, и если вы позволите...

— Хорошо, — кивнула Йонг. — Проведите полный анализ, сделайте заключение. Просто дайте знать моей подруге, что меня никто не насиловал.

Врач побледнел, нахмурился. Надо отдать ему должное, он почти не изменился в лице и сохранял профессиональную выдержку всё то время, что водил Йонг по кабинетам. МРТ, УЗИ, всевозможные анализы. Когда с Йонг закончили, она чувствовала себя совсем разбитой и хотела только одного — провалиться в глубокий сон на неделю.

Уснуть, забыться, оставить мир, в котором всё слишком громкое и слишком правильное, в котором о войне с Японией читают в учебниках по истории, а великих генералов превращают в кумиров страны и возводят в их честь статуи и музеи.

— Она в порядке, — сказал врач Юне, которая успела сгрызть ногти от волнения за Йонг. Юна удивлённо моргнула. — У неё истощение и анемия, недостаток витаминов, всё это привело к слабости и упадку сил, и, видимо, поэтому ваша подруга потеряла сознание. Но касательно вашего запроса... Она в порядке.

— Да? — не поверила Юна и посмотрела на Йонг с ещё большим недоверием, чем прежде. — Вы уверены? Я просто...

— Я же говорила, — вздохнула Йонг. — Пожалуйста, давай поедем к тебе и я посплю.

Она вспомнила строгий наказ *ёнгданте* и добавила, теперь не чувствуя ничего:

— И поем. Посплю и поем, да.

— Твоя мама тебя искала, — сказала Юна уже в миниатюрной квартире, где жила одна. Йонг кивнула своему отражению в зеркале. Она стояла в ванной, слушала, как течёт из крана чистая вода, и смотрела на себя — спокойно, не торопясь и не ожидая сигнала тревоги — впервые за долгое-долгое время.

Запавшие глаза, бледная кожа с пигментными пятнами, появившимися под ярким чосонским солнцем без защиты из крема, сухие потрескавшиеся губы, потускневшие волосы. Её отражение отличалось от того, какое Йонг помнила. Она была не похожа на себя прошлую

и гадала сейчас, точно ли вернулась сама, а не отправилась через вселенные отголосок себя прежней, призрак-вонгви.

— Я сказала ей, что ты ушла на свидание с Рэв... с этим ублюдком, — добавила Юна. Йонг с трудом оторвала взгляд от зеркала и посмотрела на застрявшую в дверях ванной Юну.

Теперь и та старательно избегала имени Рэвона, как Йонг в первые дни в не-Чосоне. Забавно, подумала Йонг отстранённо, с удивлением отмечая, что слушает себя будто со стороны, будто отделилась от тела и наблюдает за собой с вниманием учёного, открывшего новый вид живых организмов. Что будет делать это потерянное существо, если давить на больное, если ковырять открытую рану и втирать в неё яд из слов, которые не должны бы вызывать боль при других обстоятельствах.

— Я хочу есть, — сказала Йонг. Юна покивала и больше ничего говорить не стала. Ушла в кухню, и через мгновение Йонг услышала, как включается электрический чайник и закипает вода в рисоварке.

Эти звуки были непривычными, почти чужими. Йонг стояла посреди ванной, слушала мерное бульканье воды и с неудовольствием отмечала, что оно не похоже на кипение супа в походных котлах.

У неё ушло неприлично много времени, чтобы умыться и расчесать спутанные волосы пальцами. Йонг воспользовалась кремом Юны, втирая его в щёки так сильно, что кожа покраснела и пошла пятнами. Ещё несколько месяцев назад она отдала бы что угодно за баночки тонера и эмульсии. Несколько месяцев — или несколько часов? Йонг не пыталась даже понять, почему в этом мире прошло так мало времени.

Может быть, она всё ещё спит и совсем скоро проснётся в деревне у Конджу.

Она снова посмотрела на себя в зеркало. Повернула голову влево, открывая своему отражению изгиб шеи. Ничего нет, никакой змеиной чешуи, оставшейся после имуги. Кожа там была гладкая, а не шершавая, какую Йонг трогала в не-Чосоне.

Она уронила руки вдоль тела. Великий Лазурный Дракон, как она устала...

Йонг повернулась спиной к зеркалу и вышла, не заметив, что её отражение, затормозив, несколько мгновений дрожало в нерешительности и только потом нехотя ушло за ней следом.

Юна ждала её в кухне. Йонг села на предложенный стул — гладкий, с твёрдой спинкой. Не деревянные доски, оставляющие на паджи занозы, а на бёдрах — кривые синяки.

Перед ней стояла чашка белоснежного мягкого риса и остаток кимчи-чиге¹, Юна пододвинула Йонг вилку с ложкой и тоже села. Они ели в молчании: Юна следила за каждым движением Йонг и не знала, можно ли что-то сказать, Йонг тоже не вызывалась на разговор. Рис был мягким и ароматным, кимчи-чиге острым, как надо, и вода в стакане была свежей и абсолютно прозрачной.

— Меня тошнит, — призналась Йонг после того, как не смогла проглотить и половины своей порции. Юна покивала и отодвинула от неё чашку с рисом.

— Давай налью ещё воды. И дам тебе снотворное, оно поможет уснуть.

Позже, когда они разложили futon и Йонг лежала на полу небольшой комнаты и смотрела в потолок, Юна тихо спросила:

¹ Корейское блюдо, рагу из кимчи. Кимчи — блюдо корейской кухни, представляющее собой остро приправленные квашеные (ферментированные) овощи.

— Ты расскажешь мне, что случилось?

Йонг медлила. Она поворочалась, чувствуя, что мягкий футон не приносит ей расслабления, вытащила подушку из-под затылка и сжала её между колен.

— Я была в Чосоне, — сказала Йонг наконец. — В Чосоне, где есть дракон.

Юна слушала не перебивая, и Йонг даже не пыталась угадать, какой безумной кажется. Она рассказывала про драконье войско, про генерала Тоётоми, про то, что Рэвон был его помощником и натворил бед. Про Ли Хона и его подвиг, про то, каким милым и бесконечно добрым был Вонбин и каким смелым он оказался. Про Лан и её ритуалы, про силу стихий и Великий Цикл.

И про дракона. Йонг рассказывала Юне про Великих Зверей, упоминая Лазурного Дракона, как часть Цикла, и остановилась, как только языка коснулось имя капитана. Она не смогла произнести его вслух, и даже отголосок, который она едва задела, обжёт ей нёбо.

— То есть тебя спас парень-дракон? — серьёзно спросила Юна. Йонг кивнула, чувствуя, как горло стискивает удушливое объятие боли. Юна выдохнула: — Вот это тебя приложило головой...

Йонг не стала оправдываться. Она проглотила колющий ком, застрявший в горле, тот провалился в грудную клетку, процарапав все дыхательные пути, и только тогда смогла ответить:

— Да. Да, чего только не привидится в обмороке.

Она повернулась на бок, поймала в стоящем у стены высоком зеркале отражение своих глаз и зажмурилась. В полоске света, бывшего с улицы из окна, её глаза блеснули зелёным, зрачок на короткий миг задрожал и сжался. Йонг моргнула. Глаза были её, обычные.

Показалось.

Йонг вернулась домой на следующий день. Это был вторник, Юна убедила её взять отгул на всю неделю, чтобы отдохнуть, и руководителю Паку сообщила, что Йонг заболела. У неё на руках было вчерашнее заключение врача, и врать даже не пришлось.

Когда Йонг вошла в квартиру, пропитанную знакомым запахом, то впервые поняла, что вернулась домой, и пошатнулась от почти забытого ощущения. Она чуть не упала, с трудом, хватаясь за стены, добрела до своей комнаты. Родители были на работе, и, хоть Йонг не видела их очень долгое время, встречаться прямо сейчас с ними не хотелось. Не могло же даже: Йонг сразу же начала бы плакать и испугала этим маму.

Она упала на свою кровать — мягкую, уютную, такую не похожую на циновки в старых гостевых домах не-Чосона — и провалилась в глубокий сон. Прошлой ночью ей снился омут, Великое море, в котором она провела... дни, недели, годы? Море схлынуло с первой трелью будильника Юны, оставив после себя в душе Йонг липкий холод, и домой она ехала с не покидавшим её ощущением, будто что-то забыла.

Себя. Она забыла себя в омуте, потеряла важную часть, о которой даже не знала, пока не очутилась на дне Великого моря. Лан говорила ей, что оно было первым миром из всех существующих, средоточием Великого Цикла, его колыбелью. Тогда Йонг оставила в море свой след, отголосок своей Ци.

Она вернулась в не-Чосон другой и знала это ещё до того, как Лан провела над ней ритуал, проверяя изменившуюся Ци. Не ослабевшую, не окрепшую — просто другую.

Её Намерение, И, тоже изменилось, но Лан никак это не прокомментировала, только нахмурилась, когда Йонг спросила её. Должно быть, шаманка с самого начала знала, что ни Энергия, ни Намерение не дадут Йонг силы достаточной, чтобы остаться в мире не-Чосона.

Теперь Йонг проваливалась в глубокий сон без сновидений в своём родном мире и напоследок думала лишь о том, что бороться со Вселенной, когда та решила восстановить баланс, не сможет никто. Даже Дракон.

Проснулась она к вечеру, снова выныривая из моря. Там Йонг никого не увидела, но чувствовала, словно находится под наблюдением. Кто-то следил за ней, вбирая по капле остаток её Ци, к которой она не была теперь привязана. Ощущение холода не покинуло даже с пробуждением, и Йонг встала, кутаясь в одеяло.

— Сон Йонг? — позвала мама с кухни. Голос пререзал тишину квартиры, Йонг хрипло ахнула и почти вылетела из комнаты.

— Мам?

Та стояла у стола, на котором оставила завтрак.

— Ты ничего не ела? Я для тебя приготовила, думала, ты заглянешь утром.

Йонг кинулась к ней, обняла, вжимая себя в её тёплое тело. Как она и думала, — заплакала сразу же, пряча лицо на плече мамы.

— Что случилось? Ты в порядке? Йонг, да у тебя озноб!

Йонг плакала, пока мама гладила её по волосам и обеспокоенно причитала, бормотала что-то о лекарствах. Всё было таким знакомым, таким родным и настоящим, что Йонг сдалась.

Она не спит, всё происходит с ней на самом деле, и она больше не проснётся в селении рядом с Конджу.

Она вернулась в родной мир. Эта мысль разорвала её изнутри.

Добро пожаловать домой, Сон Йонг.

2

Она проводила дни, медленно вышагивая по квартире. Трогала руками гладкие стены, касалась фотографий в рамках на книжных полках, уставленных книгами по истории и папками с копиями исторических документов. Смотрела, как солнце, катясь по небосводу, высвечивает оставленные на рабочем столе тетради с записями для космического института, в которых теперь находила ошибки.

Все предположения Йонг о чёрных дырах оказались куда слабее и ненадёжнее реальных фактов, и, может быть, ей стоило бы исправить свои заметки, а потом принести в институт и заработать славу умницы, какая была у Рэвона. О работе совсем не думалось. То, что раньше казалось важным, потеряло свое очарование где-то в горах по дороге от Тоннэ до Конджу.

Йонг рассматривала себя в зеркале, подолгу наблюдая за своим отражением. За исключением потухших глаз и подпорченной кожи, она выглядела вполне сносно. Достаточно *правильно* для той, кто шатался между мирами, уповая на помощь мистических сил, одно слово о которых в этом мире заставило бы окружающих поднять её на смех.

Шея была абсолютно чистой. В не-Чосоне змеиная чешуя, тянувшаяся от уха и уходящая вниз, к правой лопатке, вызывала ужас у Юны и Чхонги и настороженные взгляды Чунсока и понимающие, но сердитые — у его капитана. Но здесь, в её мире, у Йонг была гладкая кожа с неровным загаром, повторяющим форму ворот-

ника чогори. В её мире не было магии, не было Великих Зверей, защищающих полуостров. И Дракона, а вместе с ним и имуги, здесь не было.

Её вселенная отторгала магию, принимая ту только в сказках и легендах приморских деревень, где ещё жили отголоски древних поверий.

Нет никаких имуги, пожирающих юных девушек. Не существует никаких Драконов.

Ты — обычная жительница Южной Кореи, Сон Йонг. Ты не змея, и не нужна тебе чешуя на шее, как напоминание о мифическом путешествии.

Чтобы принять эту данность, ей потребуется много времени. Вся жизнь, должно быть.

Йонг уходила от зеркал, уговаривая себя, что с ней всё в порядке, что она выдает желаемое за действительное. Только стоя под душем, она выворачивала холодную воду до упора, потому что горячая жгла кожу, словно огонь. Йонг мёрзла, но горячие ванны не спасали, не согревали тело, ведь холод сидел у неё в груди и набирал силу каждую ночь, и ослабевал только днём, когда она пыталась занять себя хоть какими-то делами.

В предпоследнюю ночь своего больничного Йонг лежала в спальне без сна и слушала, как гудят за окном автомобили и как разговаривают старики, пьющие соджу у круглосуточного магазина на углу.

— Тебе нужно собраться, Сон Йонг, — уговаривала она себя. — Тебя ждёт работа. И слухи коллег. И жизнь. В конце-то концов!

Она разозлилась, побила вялыми руками по одеялу. Может, всё-таки обратиться за помощью к психотерапевту? Никто не будет ждать, пока её отпустят приступы дереализации, никто не посочувствует её горю — не так, как она хотела бы. Все уже считают, что её обокрал парень, но за спиной, Йонг полагала, будут шептаться, что

она сама виновата. Ким Рэвон был порядочным молодым человеком, он не мог так поступить с этой выскочкой из маленького отдела! Да кем она себя возомнила, если думала, что такой гений и красавчик к тому же поведётся на её наивность?

Йонг сама всё придумала, чтобы себя выгородить, так будут говорить на обеденных перерывах, замечая её в кафетерии института. Йонг сошла с ума — так все решат, если она скажет правду.

Чтобы противостоять своему миру, ей нужны силы.
Проклятье!

Подушка мягкая. Кровать пружинит. Одеяло тёплое и на ощупь слишком приятное.

Йонг слёрнула его на пол и скатилась туда сама, легла на спину, представляя, что потолок её комнаты превращается в соломенную прохудившуюся крышу старого домика в заброшенной деревне, что её ночь заполняет не тиканье настенных часов в соседней комнате, а мерный стук топора за окном, шелест бамбукового леса в двух шагах от дома.

Представляя, что в низине заброшенной деревни капитан драконьего войска раздаёт приказы своим воинам и скоро придёт к ней узнать, как прошёл её день, поела ли она и хорошо ли устроилась.

— *Мер'тонь*¹, — шёпотом проговорила она со злостью. Когда ей никто не ответил и не сказал, что выражаться так молодой госпоже не следует, Йонг тихо заплакала.

А когда пришёл рассвет нового дня, Йонг решила, что ей пора возвращаться в реальность. Несколько беспокойных часов сна подарили ей только воспоминание о змеином шипении на дне Великого моря, но после пробуждения она снова списала всё на усталость.

¹ Проклятье (*драконий язык*).

«Меня зовут Сон Йонг», — повторяла Йонг, пока шла знакомой дорогой до института. Папа подвёз её до сквера и неуверенно пожелал удачи, когда Йонг отказалась от его сопровождения. Родители чувствовали себя не в своей тарелке, наблюдая за дочерью всю неделю, но Йонг выдала им равнодушный рассказ о том, что Рэвон кинул её и сбежал с какой-то суммой денег, которую она ему якобы одолжила.

Мама не поверила, папа сказал, что так и знал: не может человек, путающий реальную историю с какими-то домыслами, быть нормальным. Но когда Йонг пригласили в полицейский участок дать показания насчет Рэвона, мама тоже признала, что тот казался ей слишком уж угрюмым.

— Правильно. Такой молчун тебе не подходит, милая, — говорила она за ужином. — Тебе нужен кто-то весёлый и разговорчивый. И обеспеченный, конечно же.

«О, мама, — думала Йонг, кривя губы в невольной усмешке. — Знала бы ты, какого весёлого и разговорчивого я выбрала. И обеспеченного, ну да...»

Но разубеждать её Йонг не стала.

«Меня зовут Сон Йонг, — старательно повторяла она, подходя к знакомому зданию института. Зеркальные панели, покрывающие всю высотку, отражали яркий солнечный свет и встречали её, как родную. — Мне двадцать четыре года. Я работаю младшим помощником в отделе S2, изучаю чёрные дыры. Меня только что обокрал и бросил парень, и я могу выглядеть выбитой из колеи. Но не могу позволить себе пропускать работу».

Не могу позволить себе пропускать жизнь.

С этой мыслью Йонг толкнула двери здания и вошла в прохладный вестибюль, из которого уходила три месяца назад, хотя никто не заметил её отсутствия.

Ладно, Сон Йонг. Ты справилась с чёрной дырой и японцами. Справишься и с этим.

Она поднялась на пятый этаж, несколько раз глубоко вдохнула, стоя перед закрытыми дверьми своего отдела. Сегодня она даже не опоздала, хотя могла бы, видят духи.

Когда Йонг вошла, разговоры её коллег прервались как по команде. Все повернулись в её сторону, окинули внимательными взглядами. Йонг выпрямилась, вскинула подбородок.

— Доброе утро, — поздоровалась она. Юна подскочила к ней первой и подхватила под руку.

— Наконец-то ты пришла! — затараторила она, уводя Йонг от рядов с хмурыми коллегами в их уголок к Тэгёну. — Я тут умираю со скуки, а Тэгён не хочет ходить со мной на обед, потому что ест какие-то европейские салатки, и...

— Эй! — отозвался Тэгён со своего места. — Я пробую кухни народов мира!

— Салат из шпината и авокадо не международная кухня, а еда для коров! — тут же бросила Юна.

Йонг слабо улыбнулась. В маленьком закутке её отдела ничего не изменилось, и хотя бы здесь, возможно, она сможет восстанавливаться спокойно.

Она прошла к своему столу. Оставленные с прошлой недели — прошлого столетия? тысячелетия? — бумажный стаканчик и обёртка от батончика лежали на клавиатуре, ноутбук зажётся от одного несмелого прикосновения, словно всё это время терпеливо ждал её возвращения.

— Ты попозже всё нам расскажешь, да? — потянулась Тэгён через перегородку между их столами. Йонг подняла к нему глаза и медленно пожала плечами. — Брось, я понимаю, что это щепетильная тема, но вокруг тебя и Рэв... — Юна зашипела на него, точно кошка, и Тэгён сник. — Вокруг тебя и того парня столько слухов уже ходит, один другого краше. Разорви этот порочный круг, а?

— Тебе презентацию сделать? — усмехнулась Йонг, чувствуя, как от болтовни Тэгёна у неё в душе теплеет. Ночной холод ослабевал, будто его морозные пальцы, стискивающие сердце, таяли от привычной атмосферы, и Йонг позволила себе улыбнуться.

Тэгён почувствовал себя победителем.

— Давай мы угостим тебя пивом с курочкой. Сегодня вечером, как раз познакомишься с нашим новым коллегой.

— С кем? — не сразу отреагировала Йонг, погружаясь в данные на экране рабочего ноутбука. Интересно, её отчёт всё-таки прошёл проверку на демо-дне? Как вообще прошёл клятый демо-день? Рэвон ведь не явился на собрание, это точно вызвало у руководства возмущение.

— Кстати, да! — подхватила Юна, передавая Йонг стаканчик с кофе. Йонг взяла его одной рукой, не глядя, и сделала глоток, пока подруга рассказывала: — Помнишь, к нам должны были перевести сотрудника из М87? Так вот, он просто милашка и умный парень, уж не знаю, зачем на него столько наговаривали... Я слышала, его сонбэ¹ Рэв... тот ублюдок попросил перевести, вроде как они не ужились. Ой, а вдруг

¹ Обращение младшего коллеги к старшему по корейскому этикету.

его теперь вернут обратно, раз сонбэ... того ублюдка больше нет, а?

Йонг слушала её вполуха, пропуская имя Рэвона через сито собственных размышлений. Она уже думала о том, что Рэвон, скорее всего, украл личность реально живущего в её мире человека, потому что провёл тут не так много времени, чтобы обзавестись приличным резюме его уровня. Стоило ли сказать об этом Бо Чжихону, полицейскому с лицом Чжисопа, который вёл дело?

— Э, да брось! — возразил Тэгён. — Старший помощник Тэ сказал, что он сам подал заявку на перевод, зачем ему возвращаться? Кадровый отдел порежет его в шредере, если он будет так скакать с этажа на этаж! О, а вот и он! Сон Йонг-щи, познакомься!

— М-угу, — проямлила Йонг, повернулась на стуле к дверям и подняла взгляд на стоящего там человека в приталенном брючном костюме.

Рука, держащая стаканчик с кофе, дрогнула, и Йонг выронила его прямо себе на колени, напиток разлился по полу и брызнул ей на брюки, но она этого не заметила.

— Старший помощник Тэ, это наша... Сон Йонг?

Её затошнило, сердце забралось прямо в горло и запульсировало там, не давая вздохнуть.

Нет, не может быть. *Нет-нет-нет*. Йонг почувствовала, как под ней проламывается пол и она летит вниз, сквозь темноту чёрной дыры обратно в не-Чосон.

— Тэ Нагиль, — представился новый сотрудник её отдела и поклонился. — Приятно познакомиться с вами, Сон Йонг-щи.

На Йонг смотрел капитан драконьего войска в чёрном костюме с торчащим из нагрудного кармашка зелёным платком. Когда он выпрямился и неуверенно улыбнулся, показывая ровный ряд белоснежных зубов, Йонг поняла, что не может дышать от страха.

Она отпросилась в туалет, бормоча что-то про штаны и кофе, — сбежала, огибая нового коллегу по широкой дуге, лишь бы не столкнуться, *не коснуться* его. Теперь она стояла над раковиной, растирала по светлым брюкам большое коричневое пятно — и думала, думала, думала.

Драконова оспа, его даже зовут точно так же!

Йонг зажмурилась до белых точек, и на внутренней стороне век сразу же отпечталось, как яркая вспышка, лицо старшего помощника Тэ. Улыбающееся лицо человека, которого она знала другим.

Короткие модно уложенные волосы, выбеленная гладкая кожа... Весь, весь он от головы до спрятанных в брюки ног выглядел издёвкой. Йонг представляла себе прежде, каким капитан драконьего войска мог предстать перед ней в её мире, — и вот, пожалуйста! Любуйся, Сон Йонг! Как он несмело улыбается, будто знает тебя и просто боится напугать, как стоит перед тобой, словно сам явился из не-Чосона следом, лишь бы отыскать в незнакомом для себя мире, как...

Йонг проглотила сухой ком в горле, закашлялась. Отвратительное ощущение, ужасное. Она пообещала себе не плакать больше, и жестокая вселенная решила взять её на слабо, дала понять, что возвращение из не-Чосона будет её наименьшим испытанием. Жизнь в родной реальности рядом с людьми, которых она знала не здесь и не такими, — вот настоящая проблема.

Как она вернётся в офис, где теперь с ней работает этот человек?.. Йонг даже не может назвать его по имени, произнести его хотя бы в мыслях.

От этого становилось тошно, горько. Больно до того, что спирало дыхание.

— Соберись, — сказала Йонг своему напуганному отражению. — Духи тебя заберут, соберись, Сон Йонг. Он обычный парень, и нет в нём ничего особенного.

Он — не твой капитан.

Йонг сполоснула горящие щёки, стёрла потёкшие тени тыльной стороной руки по привычке, забывая о салфетках. Наплевать, как его зовут и как он выглядит. Он — не Наг...

— Я бы на твоём месте не стала так говорить, — раздалось вдруг у Йонг за спиной, и она вздрогнула. Из кабинки вышла Харин, сотрудница М87. Она работала вместе с Рэвоном и, по слухам, проявляла к тому самое определённое внимание, но Рэвон всегда утверждал, что не провоцировал её и ничего не обещал.

Ну, теперь-то понятно, что у Харин не было и шанса заполучить красавчика гения. Не родилась в год Дракона и не несёшь в себе Ци, чтобы стать Драконом? Попрошайся с мыслью о парне из другой вселенной.

Йонг поджала губы, но Харин распенила этот жест не так, как предполагалось, и тут же хмыкнула.

— Этот придурок тебя обокрал и бросил, а ты всё ещё по нему сохнешь? — спросила она, не глядя в сторону Йонг, пока мыла руки. — Какая жалость. Я думала, ты сильнее.

Не бросил. Закинул в не-Чосон, показал новый мир и обратил морским змеем, но Харин знать это было не обязательно.

Йонг повторила её усмешку — на свои эмоции сил у неё не хватало — и пожала плечами.

— Я не о нём говорила, — ответила она. Харин вскинула одну бровь и посмотрела на неё в отражении.

— Нет? *Омо*¹, нашла себе новую любовь? Так скоро!

— Я не... — Йонг поморщилась, покатила в голове все возражения, какие могла бы привести в этом выматывающем диалоге с Харин, и плюнула на всё. — Неважно. Я не про Рэвона говорила.

Харин ей не поверила, но отвечать не стала. Окинула Йонг внимательным взглядом, поцокала языком и вышла, оставляя её наедине с грязными брюками и мыслями, рвущими на сотню маленьких испуганных девочек.

Нет, прочь всё это. Йонг должна взять себя в руки, вернуться в грёбаный офис и делать свою работу. Воспоминания о не-Чосоне и капитане драконьего войска следует запечатать в самых дальних уголках подсознания, наложить мощный защитный талисман и никогда, никогда туда не заглядывать! Только так она сможет функционировать в своём мире и жить согласно его законам.

Нет никаких Драконов. Нет никаких капитанов.

Йонг взглянула на себя в зеркало и вышла, снова заставляя своё отражение медленно ползти следом.

Старший помощник Тэ работал над проектом под руководством господина Ли, и с Йонг они не пересекались хотя бы во время рабочего дня. Йонг пряталась в своём углу офиса, весь круг общения свела до Юны и Тэгёна, а к столу руководителя Пака подходила, когда рядом никого не было, что давало ей хоть какую-то защиту. В обед она пряталась на лестничной площадке своего

¹ Восклицание-междометие, что-то вроде «О мой бог!» (корейск.).

этажа и сидела там в одиночестве, хотя Юна настойчиво просила её спускаться в кафетерий с остальными.

Йонг ела домашнюю еду — мягкий рис, тёплый омук-кук¹, любимый чиге, приготовленный мамой. В не-Чосоне она скучала по красному перцу и соли, а теперь старалась не добавлять ни того ни другого — все блюда казались слишком острыми, слишком солёными, будто за те несчастные три месяца Йонг позабыла истинный вкус корейской кухни.

Чиге без острого кимчи было пустым, а пибимпаб² с несолёным мясом — пресным, но Йонг теперь плохо переваривала любую еду с добавлением специй.

— С этим нужно заканчивать, Сон Йонг, — сказала она себе на очередном обеденном перерыве, наблюдая в панорамное окно лестничной площадки протекающие по небу облака. Было солнечно, стояла прекрасная летняя погода. У Йонг на душе бушевали ветра и ливни.

Мертонъ. Она мысленно выругалась, чувствуя, что слово на *энглинъ* не вонзается, словно дракон, ей в сердце острыми когтями. Со временем она перестанет чувствовать и отголосок прежней боли. Когда-нибудь всё пройдет.

В нём была вся проблема — во времени. Здесь, в родном мире Йонг, оно словно тянулось в два раза медленнее: дни нехотя сменялись ночами, ночи перетекали в новые дни лениво, каждый раз задерживая на небе вяло растущую луну. Йонг хотела бы не ощущать течения времени вовсе, прокрутить, как неинтересную серию дорамы, год, а то и два жизни.

Она бы работала, спала, снова работала, не замечая, как сезоны сменяют друг друга, как лето переходит

¹ Корейский суп с рыбой.

² Корейское блюдо — рис с овощами, грибами, яйцом и мясом.

в осень, та — в зиму, потом в весну и снова в лето. Не считала бы, прошло ли в не-Чосоне столько же дней, успели ли японцы до холодов захватить Хансон или же драконье войско оттолкнуло их и снесло с полуострова раньше.

— Хватит, — разозлилась Йонг. Жалеть себя было не в её правилах, но уже почти месяц она лелеяла своё одиночество, тоску и фантазии о несбывшемся, как драгоценные жемчужины, словно морской змей из сказки¹, и не хотела с ними расставаться.

— *Мер'тонъ*, — повторила Йонг сердито. — Пошло это всё в *тальяцим*².

Пролётом ниже кто-то резко чихнул, эхо пронзило лестничную площадку от первого этажа до последнего, и Йонг дёрнулась, будто её обожгло неожиданное присутствие чужака.

— П-простите, — раздалось снизу. Застучали по ступеням туфли, зашуршала чья-то рука, скользящая по перилам.

Йонг почти не удивилась, когда к ней поднялся старший помощник Тэ. Кого ещё могла привести судьба в её укрытие? Только человека, которого Йонг избегала всеми силами.

— Вы, — выдохнула она со сдерживаемой злостью. Видеть лицо, по которому Йонг скучала больше всего на свете, у человека совсем другого, было невыносимо и в переполненном офисе, когда вокруг них кипела работа и сновали туда-сюда люди. На лестничной площадке, пустой и тихой, где пряталась только Йонг, смотреть в глаза старшему помощнику Тэ было сущей пыткой.

¹ Миф о девочке по имени Оньль упоминает морского змея, державшего три жемчужины.

² Ад, пучина, бездна; место, откуда не возвращаются и о котором не говорят (*драконий язык*).

— Простите, — повторил он. Йонг упорно отказывалась называть его по клятному имени. — Я не хотел подслушивать, это вышло случайно.

— Ничего, — сухо ответила Йонг, избегая смотреть на его лицо и отводя взгляд куда угодно, только не на него. Она сидела, он стоял несколькими ступенями ниже. Прятать взгляд получалось с трудом.

Старший помощник Тэ замялся, постучал пальцами по перилам. От него пахло приличным парфюмом и чистотой — кондиционером, должно быть, в котором он стирал свои белоснежные выглаженные рубашки. На нём был тёмно-зелёный галстук.

Йонг отвернулась к окну, чтобы не разглядывать его одежду, ладно сидящую на хорошей фигуре. Широкоплечий, высокий. Они даже роста были одинакового — не иначе, чтобы в этом мире издеваться над Йонг и морочить ей голову!

— Вы избегаете коллег? — спросил старший помощник Тэ. Когда Йонг не ответила, только пожав плечами, он добавил, уже менее уверенно: — Или вы избегаете *меня*?

Йонг моргнула, не поворачивая головы, замерла. Нежелание общаться с кем-либо в офисе надёжно скрывало её личную неприязнь, и она полагала, что не знакомый с ней старший помощник вряд ли заметит разницу в том, как она бегала от него и от остальных сотрудников.

Но он, похоже, был наблюдателен. Как и сама Йонг, которая замечала каждую новую деталь в его гардеробе, даже если старалась не смотреть в сторону его стола через три ряда от неё и не провожать его взглядом через весь офис.

— Я избегаю всех, — ответила Йонг. — Лично к вам это не имеет отношения.

Она пыталась говорить спокойно, но выбитые в скалах её сдержанности слова срывались с языка валунами и превращали всю её речь в землетрясение. Прямо сейчас Йонг в самом деле дрожала.

— Мне так не показалось, — ответил старший помощник Тэ и чуть наклонился, пытаясь поймать её взгляд. Йонг зажмурилась.

— Послушайте, вы!.. — начала она и остановилась. Злиться на человека за то, что он носит чужое лицо, Йонг не могла. Либо держи себя в руках, либо иди к психотерапевту, Сон Йонг. Она вздохнула и закончила, прочистив горло: — Вы не знаете меня, старший помощник Тэ. Не стоит делать поспешных выводов.

— Тогда, может, посмотрите на меня? — спросил он.

Йонг вела себя грубо даже с точки зрения общепринятых норм поведения. Имело ли это значение для неё теперь? Но она сжала руки в кулаки, спрятала их в складках юбки и повернулась лицом к старшему помощнику Тэ, собирая в груди всю свою смелость. Она сможет смотреть ему в лицо, у неё получится. В конце концов, он не был чудовищем.

— Я смотрю, — выдохнула Йонг.

Обрамлённый ярким солнечным светом, преломляемым в выгнутом стекле высокого окна института, старший помощник Тэ выглядел совсем нереальным. Будто это Йонг его выдумала, вытащила из своих фантазий в реальность.

— Спасибо, — сказал он и улыбнулся. Спокойной ровной улыбкой, такой не свойственной знакомому Йонг лицу.

Внезапно она подумала, что могла бы привыкнуть к новому выражению этого лица, если бы постаралась. Она много чего могла сделать при должном усердии. Она победила в себе морского змея и пересекла целые все-

ленные, дважды. Привыкнуть к этому лицу у неё тоже получится.

— Понимаю, вам сейчас непросто, — сказал вдруг старший помощник Тэ. — Но могу я попросить вас о снисхождении?

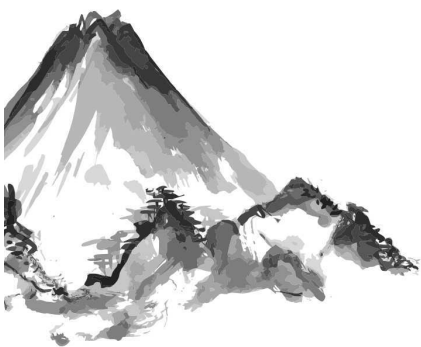
Йонг склонила голову, нащупывая в сердце те крупницы уверенности, которые были в нём прежде. Она позволила себе тонуть в апатии, забывая о силе духа, и теряла себя всё больше. Не такого будущего желал ей капитан драконьего войска.

— Это мне следует просить о снисхождении, — возразила Йонг. — Вы старше меня по положению и, вероятно, возрасту.

Старший помощник Тэ улыбнулся снова.

— Но это вы кажетесь неприступной, — ответил он с доброй усмешкой. — А мне хотелось бы узнать вас получше. Согласны, госпожа Сон Йонг?

3

*Конджу, Чосон, начало лета 1592 года,
год Водяного Дракона*

О том, что король умер, Нагилю сообщил генерал Хигюн. Трагичную новость ему донесли тем вечером, когда закрылся Глаз Бездны, и позже, когда, преодолевая усталость бесконечного дня, Нагиль сидел без сна в своём шатре, он думал, что Хигюн был в курсе обо всём уже какое-то время.

Никаких официальных заявлений не было, о смерти короля Чосон не знал, и поминальных служб ещё не проводили. Печальная весть стала бы ударом для всей страны, но Нагиль полагал, что похоронный обряд над телом государя чиновники всё же провели, но без огласки. Скорее всего, умер король от продолжительной болезни, которой страдал со времён первой войны. Умер без помощи посторонних — иначе Совет бы уже выступил с заявлением. Это изменило бы ход войны, привело к Совету больше людей, обладающих властью.

Либо Хигюн врал и король всё ещё здравствовал... Только Нагиль верил, что генерал не мог обманывать, когда дело касалось государя. Да и что это поменяло в отношениях между генералом и капитаном? Драконье войско давно не подчинялось королю, у Хигюна не

было нужных рычагов, чтобы оказывать давление лично на Нагиля. Смерть короля ничего не изменит в планах *ёнгданте*.

Свою единственную слабость Нагиль отдал Бездне. Сейчас никто и ничто не могло задеть его больше, чем отсутствие госпожи.

— Тебе надо поехать в Хэнджу, — сказал Хигюн в шатре, морщась от каждого движения. Отравленную ядом имуги руку он отрезал себе выше локтя, и теперь плотно обвязанный тряпьем обрубок причинял ему боль, даже когда он просто стоял перед Нагилем и хотел выглядеть злым и негибачаемым военачальником огромного войска, перед которым капитан какой-то сотни воинов должен был благоговеть и в смирении ждать приказов.

— Японцы всё ещё стоят под Конджу, — возразил Нагиль, и генерал заскрипел зубами от злости. — Вы предлагаете мне оставить моих людей без поддержки и ехать на поклон к покойнику?

— Придержи язык! — взорвался Хигюн, потрясая в душном воздухе мечом, зажатым здоровой рукой. — Король умер, а ты злословишь!

— Даже дух его величества согласится с тем, что в нашем положении я не могу бросить войско в угоду традициям и условностям, которые...

— Это не условности, — оборвал генерал. Нагиль смотрел на него без единой эмоции в лице, и Хигюн вздохнул и заговорил уже более спокойным тоном: — Отправляйся в Хэнджу, предстань перед Советом. Ты должен добиться расположения чиновников, раз король почил.

— Совет я уважаю ещё меньше, чем короля.

Хигюн снова вскипел, но на этот раз трясти оружием перед равнодушным капитаном не стал. Поморщился,

остановил себя от того, чтобы хвататься за обрубок руки, и покачал головой. Нагиль молчал.

Обычай велели ему поехать в Хэнджу, попрощаться с его величеством, возможно, помочь переправить тело в столицу и проводить его дух в иной мир. Военное положение обязывало оставаться на месте. Хороший командир выстраивает новые стратегии по освобождению земель своей страны. Опытный политик ищет выгоду в открывшейся правде о короле.

Нагиль скривил губы, теперь не пряча неудовольствие от генерала Хигюна. Тот хотел сделать капитана фигурой на политической арене и двигать им, как камешком на доске в «Драконе и Фениксе». Нагиль не был камнем и не хотел следовать правилам грязной игры, в которой понимал мало.

— Отправляйтесь сами, генерал, — добавил он, когда в повисшем между ними молчании воздух совсем раскалился, а напряжение можно было ощутить на кончиках пальцев. Генерал Хигюн с раздражением выдохнул и огляделся в поисках стула. Нагиль жестом предложил ему разложенную на полу циновку.

— Видят духи, упрямство сведёт тебя в могилу, — сказал генерал и сел, аккуратно придерживая покалеченное плечо. — Я пытаюсь помочь тебе, а ты противишься, как мальчишка. За измену я давно должен был представить тебя суду и казнить, но я здесь, предлагаю решить все разногласия с Советом путём мирным и бескровным.

— Склонить голову и безропотно подчиняться приказам Совета, — заметил Нагиль и тоже сел в одном бу¹ от циновки генерала. — Я доподлинно знаю, чем оборачиваются такие действия, и бескровными их назвать никак не могу.

¹ Древнекитайская мера длины, равна примерно 1,5 метра.

Генерал Хигюн почесал подбородок с редкой бородой, которую в мирное время сбрасывал, оставляя жёсткую щетину. Сейчас та проросла на его лице неаккуратными пучками с отдельными длинными волосками. Генерал устал и хотел, как и все, окончания этой затянувшейся войны. Нагиль прежде считал, что Хигюн вёл битву только с Тоётоми и его планами на Чосон. Сейчас же его медленно заполняло понимание: генерал хотел переломить ход войны не только за страну, но и за власть над будущим Чосона.

Нагиль совершил ошибку, когда забыл, что в любой войне политики искали выгоды для себя, невзирая на кровавые события, раздирающие страну на части.

— Я не сообщил Совету о кронпринце, — сказал генерал Хигюн. — И никто до сих пор не знает, что он жив. Если ты вызволишь его из плена...

— Вы сделаете его разменной монетой в своих играх, — закончил Нагиль. Он тоже устал и хотел сегодня лишь одного — остаться наедине с растущей, точно луна в небе, тоской, и окунуться в её пучины. На какое-то время. На одну ночь, две, если позволят обстоятельства. Объять все воспоминания о женщине, которую он больше не увидит, запечатлеть её лицо в своих мыслях и запереть в самых дальних покоях разума.

И больше не думать о ней. Никогда.

— Или вычеркнете принца из ваших планов, если мне не удастся спасти его, — добавил Нагиль, с трудом отрывая себя от ослепляющего глаза видения, в котором Сон Йонг падала в чёрную дыру. — Вы хорошо устроились, генерал.

Тот кивнул, даже не пытаясь оправдаться.

— История пишется победителями, Мун Нагиль.

— Мы ещё не победили.

— Но можем! — с жаром сказал Хигюн. — Вытащи принца из японского плена, и мы представим его Совету, возведём на престол наследника страны. Чосон примет его как героя и спасителя, и у Совета не останется другого выхода, кроме как признать власть нового государя!

Нагиль смотрел на его лицо, пышущее показным воодушевлением. И видел за ним проступающее, словно невидимые росчерки туши на нагретой рисовой бумаге, отчаяние... Нет, не отчаяние — злость от осознания, что воспользоваться шансом завоевать доверие чиновников генералу мешает упрямый капитан драконьего войска.

— Чосон объят войной, — сказал Нагиль твёрдо. — А вы заняты расстановкой совсем иных сил и хотите, чтобы я мыслил как политик, а не как командир, в чьём подчинении находятся люди. Принц — тоже человек, генерал. Я поклялся защищать его и от своих слов не отказываюсь.

— Так защищай! — потребовал генерал Хигюн. — Я дам тебе людей и возможность спасти его, и Совет поможет, если ты просто склонишь перед ними свою глупую голову.

— Нет.

Хигюн выругался, стукнул эфесом меча по циновке. В воздух взвился столб пыли, подрожал и, отяжелев, быстро осел.

— Я спасу его, не оповещая Совет, — продолжал Нагиль. — А потом приведу в столицу, и уже его высочество будет диктовать чиновникам свои условия, как полноправный король страны.

— Совет покинул Хансон, — напомнил генерал. Нагиль кивнул.

— Но город всё ещё считается столицей, и именно туда Совет должен доставить тело почившего короля.

Хигюн вдруг фыркнул, взглянул на Нагиля из-под полуопущенных влажных век.

— Совет похоронит короля в Хэнджу, капитан. И объявит Хэнджу новой столицей, пока Чосон не оставит последний японский ублюдок.

Проклятье. Для Хансона это значило только одно: город оставят даже без видимой защиты и без сопротивления отдадут вместе с мирными жителями, верящими, что столичные толстые стены защитят их, на расправу Тоётоми.

— Хоть один человек в Совете печётся о простых людях этой страны? — спросил Нагиль, чувствуя, как оставившая его злость набирает новую силу. Видят духи, злиться он тоже устал.

Дракон в его теле забился, пытаясь вырваться на волю, и Нагилю пришлось схватиться за ворот чогори, чтобы удержать себя от порыва снести генералу голову одним махом.

Не подозревающий о внутренней борьбе капитана Хигюн ухмыльнулся, блеснули глаза в неверном свете слабого факела.

— Один — да, — сказал он. — И вот к нему тебе стоит отправиться в первую очередь.

С того разговора прошла неделя, и всё это время Хигюн оставался в Конджу и командовал частью оставшегося в городе войска. Другую часть, около пяти тысяч человек с лошадьми, оружием и провизией, генерал отправил ближе к Хансону. В лагерь драконьего войска он больше не приходил и не просил капитана явиться к себе, но Нагилю не нужно было выслуши-

вать Хигюна лично, чтобы понимать, что значат его действия.

Я предоставляю Хансону защиту и отвоюю земли перед Конджу, тебе не нужно волноваться о простых смертных. Отправляйся в Хэнджу, капитан, и сделай то, о чём мы договорились.

Поклонись Совету, прими их помощь. Стань их марионеткой, чтобы у тебя был шанс спасти принца.

Говорить обо всём Лапе Дракона Нагиль не стал, размышляя, стоит ли явиться к чиновникам одному или взять с собой Чунсока и Чешую¹. Он должен был сравнить силы и принять решение самостоятельно.

После битвы при Конджу у него осталось шестьдесят два человека, и хоть Дэкван усиленно тренировал новобранцев из числа выделенных ему воинов Хигюна и самых сильных горожан, проявивших себя в сражении, драконье войско заметно ослабло. Воспитать за короткое время воина дракона даже из опытного человека было непросто, а в условиях, когда японцы дышали в спину и прорывали оборону с юга страны, практически невозможно.

— Невозможное — это не значит невыполнимое, — замечал Дэкван, повторяя слова капитана, и шёл мучить своих новичков выматывающими упражнениями.

Нагиль следил за их тренировками на полигоне, слушал разговоры в воинском стане — в основном жалобы на чрезмерное упорство *тырсэгарра* — и даже не пытался осадить стонущих от усталости людей, которые вечерами валялись с ног и засыпали прямо на посту. Пусть лучше они будут страдать здесь, под присмотром Дэквана, чем бессмысленно погибать на поле боя.

¹ Для корейских драконов (как и для китайских) главное число — девятка. По легендам, у них на спине 81 чешуйка. Именно столько воинов в драконьем войске, они делятся на отряды по 9 человек.

Из донесений Дочерей они знали, что японцы смещаются в сторону берега и ждут, должно быть, новых кораблей с подмогой. Откуда у Тоётоми было столько сторонников, Нагиль мог только догадываться, и ни одно предположение ему не нравилось.

— У Тоётоми Хидэёси не было такой поддержки, — говорил Чунсок, докладывая об очередных передвижениях японских сил. — Его семья владеет одной провинцией, и большинство самураев под началом Хидэёси погибли в прошлой войне. У его сына меньше власти и должно быть меньше людей. Но они всё прибывают. Что он пообещал им?

— Чосон, — отвечал Нагиль, осматривая карту с отмеченными на ней точками. Сосновые шишки — свободные города страны. Чёрные остывшие угольки — занятые Тоётоми территории. На юге полуострова теперь всё было чёрным.

Тоннэ захвачен. Кванджу захвачен. Ульджин оккупирован, но хотя бы оттуда драконьему войску удалось увести мирное население. Сейчас в Конджу было больше беженцев, чем в любом другом подконтрольном Чосону городе, и по-хорошему следовало отправить их на север, в Хансон.

Только вот положение столицы больше не казалось Нагилю выгодным. Как бы он ни противился, трудно было не согласиться с Хигюном: если в ближайший месяц ничего не изменится, Хансон придётся лишиться звания столицы до той поры, пока японцев не удастся смести с полуострова.

Проклятье.

— Нам с тобой придётся навеститься в Хэнджу, — сказал Нагиль поздним вечером, когда совещание с Лапой Дракона было окончено и Чунсок собирал со стола в его шатре карты. Тот замер, медленно поднял голову.

— Явиться с повинной к Совету? — спросил он и весь скривился от одной только мысли об этом. — Мы же должны идти за его высочеством.

— Должны, — согласился Нагиль. — Только с чем? У нас недостаточно сил, чтобы штурмовать Ульджин, где его сейчас держат, а если будем медлить, принца увезут в Японию.

— Но Дракон...

— Не поддаётся моему контролю, и использовать его слишком рискованно, — признался Нагиль. Чунсок нахмурился. Он и прежде смотрел на своего капитана с недоверием; с тех пор, как закрылся Глаз Бездны, Нагиль чувствовал только боль вперемешку со злостью оттого, что не может вернуть её и...

О таком нельзя думать. О ней нельзя вспоминать.

Нагиль сердито выдохнул, опустил на стул перед столом, склонил голову. С тех пор как в теле *ёнданте* поселилось две стихии, Дракон молчал и бездействовал. Нагиля кидало в жар по ночам, днём его мучил озноб, и медитации не спасали: его разрывало на части, Дракон Дерева в нём стонал и бился в агонии, Дракон Металла скручивал в узел нервы, и всё, что он слышал, было сплошным рёвом, а не голосом Великого Зверя.

Они успокаивались только в воде, когда Нагиль приходил по ночам к источнику при монастыре и опускал туда горячие ноги или ложился в него целиком и, окутанный прохладой, смотрел в небо, на далёкие звезды.

— Здесь это Лазурный Дракон, — говорила госпожа Сон Йонг, ведя пальцами по карте звёздного неба, — но в моём мире это несколько созвездий. Девы, Весов, Скорпиона и Стрельца. У нас есть специальные устройства, которые позволяют рассматривать звёзды ближе, с их помощью мы можем измерить... Нагиль, ты слушаешь?

— Капитан? — позвал Чунсок, и Нагиль вынырнул из воспоминаний с невольным стоном. Бороться с ними не было сил, равно как и оттягивать неминуемое.

— Говорят, король умер, — сказал Нагиль. *Пуримгарра* охнул и чуть не сел мимо стула. — Совет медлит, и я хочу знать, что они задумали. Хигюн велел отправиться в Хэнджу на поклон к его высочеству.

— Но на самом деле мы едем узнать, что решит Совет, — договорил Чунсок. После заметной паузы он вздохнул. — Капитан, вы уверены, что они примут нас с благосклонностью? Если Лю Соннён и остальные узнают, что принц жив и в плену, они...

— Думаю, — оборвал его Нагиль, — они всё ещё хотят достучаться до династии Мин. Нам потребуется помощь Империи, и, видится мне, Совет предложит им посадить на трон Чосона своего наместника. Живой законный наследник им не нужен, и его не станут спасать.

— Зачем тогда мы едем в Хэнджу?

Нагиль выпрямился, медленно выдохнул. Жар снова сменял в теле холод, и его ждала очередная бессонная ночь.

— Мы едем заручиться поддержкой Империи, — сказал он, предчувствуя новые проблемы для своего войска. — На своих условиях и без помощи Совета. Нам нужны люди, нам нужно оружие. Я хочу договориться с Императором, а после с помощью его людей спасти Ли Хона.

Чунсок смотрел на Нагиля не мигая. Мысленно проверял рискованный план капитана или же гадал, не сошёл ли тот с ума от тоски и безысходности, сковывающей весь лагерь вместе с подступающими к городу японцами.

— Нас казнят, — просто ответил *пуримгарра*. — Не Империя, так Совет. Не Совет, так Хигюн. Вы хотите обмануть всех, хотя лгать не можете.

Нагиль хмыкнул.

— Вот поэтому я беру с собой тебя. И малый отряд Чешуи, для вида. Если что-то пойдёт не так, я призову Дракона и спалю Совет вместе с императорским двором династии Мин.

— Звучит самоубийственно, — заключил Чунсок. Тяжело вздохнул и поднялся с места, склоняя голову. — Когда выдвигаемся, капитан?

Всем, кроме Лапы Дракона, было сказано, что Нагиль с верным помощником и малым отрядом едут искать поддержки у Восточной Фракции Лю Соннёна.

В прошлую войну именно помощь советника помогла Чосону: Лю Соннён договорился с Империей и привёл в Чосон войско Императора. Объединившись, две страны прогнали японцев с полуострова, заставив подписать мирный договор. Деньгами и скотом, доставленным из Японии в качестве платы за содеянные преступления, обезумевший от горя король откупился от династии Мин, а его народ еле выжил на выжженной войной земле. Последовавший за этим двухлетний голод совсем подкосил бы людей Чосона, если бы не помощь Великих Зверей. Дракон Дерева показал Нагилю, где можно вырастить зерно, помог повернуть русла обмельчавших рек так, чтобы те напитали пастбища для скота. Если бы не новая война, сейчас бы Чосон восстанавливал былую силу, но случился Рэвон, случился Тоётоми и новый виток борьбы за земли, на которые японцы не имели права претендовать.

Казалось, война пятилетней давности не заканчивалась, а святые духи, окончательно разуверившись в лю-

дах, предоставили их самим себе. Теперь помочь могло только чудо.

План Нагиля как раз походил на одно из них, а не на разумное решение, принятое после бесконечно долгих размышлений. Чунсок молчал всю дорогу до Хансона, где они должны были поговорить с советником Восточной Фракции и, возможно, снискать поддержки перепуганных жителей.

Власть Совета была сильна, но и он не мог идти против народа, которому обязан был служить.

— Что, если Совет даже не станет нас слушать? — спросил Чунсок вечером, когда отряд сделал привал на подступах к Хансону. Жаркое летнее солнце окрасило всё небо в кроваво-красный, не предвещающий добрых вестей цвет, и Нагиль осматривал открытое поле, высушенное летним зноем, с подступающей к сердцу грустью. Смотреть на то, как медленно умирала земля, было больно, но Нагиль знал, что у его страны есть надежда. Она была сильнее, чем всё остальное.

Пока надежда жила в сердцах людей, у Чосона были все шансы выжить, восстановить разрушенные деревни, отстроить обратно все города. И жить, и снова радоваться, и продолжать род, и снова молить Великих Зверей о счастье, хорошем урожае и здоровых сыновьях и дочерях.

Жаль, что одной надежды не хватит на то, чтобы убедить Совет действовать. На то, чтобы обмануть всех власть имущих разом.

— Совет не станет нас слушать, — согласился Нагиль, отрывая взгляд от уходящего за горизонт краешка солнца. Он вернулся к костру и сел в круг, где девять воинов и Чунсок уже готовили скудную похлёбку из остатков риса и сушёных водорослей.

— Что тогда?

Нагиль принял миску из рук Бойма, кивнул ему и отозвал Чунсока за собой к поваленному грозой старому дереву.

— Мы поклонимся им и уйдём.

Чунсок нахмурился.

— Они заподозрят неладное.

— Брось, — недобро усмехнулся Нагиль, — они и так считают нас врагами, изменниками, что бы там ни плёл мне Хигюн о снисхождении. Нам надо увидиться с Лю Соннёном, он единственный человек в Совете, кто хотя бы малой частью своей души печётся о благополучии людей в этой стране.

— Что мы ему предложим? — спросил Чунсок. Нагиль взглянул на него искоса. И *пуримгарра* скривил губы. — Капитан, Лю Соннён разговаривает на языке денег и выгоды, даже если заботится о Чосоне.

— Ты прав. Нам придётся рассказать ему о нашем плане.

— Он же выдаст нас!

— Нет, если это будет ему выгодно. А это *будет* ему выгодно, — добавил Нагиль, понижая голос. — Может, он тоже желает посадить на трон Чосона наместника Империи, но это значит, что власть, которой он сейчас обладает, перейдёт в руки династии. Может быть, он хочет договориться о суверенитете для себя и своей провинции, но как долго будет работать их соглашение, если на престол сядет не заинтересованный в нём наместник?

— И вы предложите ему...

Нагиль знал, что его слова поразят Чунсока, а потому мотнул головой, жестом велел молчать.

— У Лю Соннёна есть дочь. А спасённый нами наследный принц ещё не женат.

— Капитан!

— *Шиллэ*¹, — сердито шикнул Нагиль. — Отказаться от такого предложения советнику будет очень непросто. Это гарантирует нам его поддержку, и он прогнёт под себя весь Совет.

— Но его высочество не согласится...

— *Ой ли?*

Нагиль усмехнулся — снова какой-то чужой, злой усмешкой, не свойственной ему прежде. Чунсок ступал и больше задавать вопросов не стал.

С его капитаном творилось что-то странное, и не *нуримгарра* было вытаскивать Нагиля из тоски, превращающей того из благородного воина в настоящего зверя. Капитан с каждым днём становился всё больше похож не на Дракона, которого носил в теле, а на змея.

— Капитан, — осторожно позвал Чунсок, следуя за своими тяжёлыми мыслями. — Если вы задумали что-то ещё, лучше скажите мне. Я не смогу помочь, когда Совет прижмёт вас к стене и заставит подчиняться приказам ничего не смыслящих в войне чиновников.

Нагиль выпил остатки похлёбки, стукнул пустой миской по колену. Вытащил из-за ворота чогори скрученный лист, скреплённый королевской печатью, и протянул его Чунсоку.

— Даже если нас встретит не только Лю Соннён, ты передашь это в руки советнику.

— Капитан?

— И скажешь ему, что принц готов жениться на его дочери. Всё, *хаша*².

Разговор был окончен, и обескураженный *нуримгарра* без слов поднялся и ушёл к костру подбодрить отряд.

¹ Молчать, тихо (*драконий язык*).

² Иди (*драконий язык*).